

ПРОЛОГ РЕБЕККА

Ноябрь 1990 года

В верхнем правом углу снимка виден миниатюрный самолет, причем кажется, что он летит мне прямо в лоб. Он совсем крошечный, синевато-стального цвета — длинный раздутый овал, который посередине перерезают его собственные крылья. По форме он на самом деле напоминает крест. Самолет — первое, на что обратила внимание моя мама, когда мы получили из Мас-сачусетса эту фотографию.

— Видишь, Ребекка, — сказала она. — Это знак.

Когда мне было три с половиной года, я пережила авиакатастрофу. С тех пор мама неустанно повторяет мне, что я рождена для чего-то особого. Не могу сказать, что я разделяю ее уверенность. Я даже ничего не помню. Они с папой поссорились — все закончилось тем, что мама рыдала у мусорного контейнера, а папа снимал со стен подлинники картин и бережно укладывал их в багажник своего «Шевроле-Импала». В результате мама увезла меня к своим родителям в открытый всем ветрам желтый домик в Бостоне. Отец звонил не переставая. Грозился обратиться в ФБР, если она не отправит меня домой. И она уступила, но сказала, что сама со мной не поедет. На самом деле она выразилась так: «Прости, милая, но я не могу больше терпеть этого человека». Потом нарядила меня в вязаный костюмчик лимонного цвета и белые перчатки. Подвела к стюардессе в аэропорту, поцеловала на прощание и сказала: «Перчатки не потеряй. Они стоят кучу денег».

Я мало что помню о катастрофе. Вокруг все рушилось, самолет раскололся пополам прямо перед восьмым рядом. Единственное,

что я помню, — как крепко вцепилась в эти перчатки, чтобы не потерять, как замерли люди, а я не знала, можно ли дышать.

Я мало что помню о катастрофе. Но когда я стала достаточно взрослой, мама рассказала мне, что я оказалась одной из пяти выживших. Рассказала, что мою фотографию напечатали даже на обложке «Таймс» — изображение плачущей девочки в обгоревшем желтом костюмчике с распростертыми руками. Какой-то работник сделал этот снимок фотоаппаратом «Брауни» и передал его в прессу, благодаря чему растрогал миллионы сердец в Америке. Она рассказала мне о пламени, которое достигало неба и разрывало тучи. Она призналась в том, какой мелкой показалась ей ссора с моим отцом.

Водитель грузовика сфотографировал нас в тот день, когда мы уезжали из Калифорнии. В уголке этот самолет. Мамины волосы собраны в конский хвост. Она неловко обхватывает мои плечи, крепко вцепившись пальцами мне в шею, как будто пытается удержать меня. Она улыбается. На ней одна из отцовских рубашек. Я не улыбаюсь. Я даже не смотрю в объектив.

Водителя грузовика звали Флекс. У него была рыжая борода, но не было усов. Он сказал, что самое лучшее в Небраске — это мы. Флекс делал снимок своим фотоаппаратом — мы слишком спешили и не прихватили наш. Он сказал:

— Я вас сфотографирую, а вы оставите свой адрес, и я вам вышлю снимок.

Мама ответила:

— Почему бы и нет! — и дала адрес съемной квартиры своего брата. Если бы Флекс оказался психически больным и поджег тот дом, никто бы не пострадал.

Флекс переслал нам фото через дядю Джоли. Оно пришло в потертом конверте из оберточной бумаги, который уже не один раз менял адрес получателя и был испещрен двадцатипятицентовыми марками. Он приклеил к фото записку, которую мама не дала мне прочесть.

Я рассказываю вам историю нашего путешествия потому, что только так смогу собрать все кусочки мозаики. Здесь оказались замешаны все мы — мама, папа, дядя Джоли, Сэм и даже Хад-

ли, но у каждого своя правда. Я, например, прокручиваю все случившееся в обратном порядке. Как будто перематываю назад фильм. Не знаю, почему я все вижу именно так. Я точно знаю, что моя мама, например, все видит по-другому.

Когда мы получили снимок от Флекса, все встали вокруг кухонного стола и смотрели на него — я, мама, Джоли и Сэм. Джоли сказал, что я отлично получилась, и спросил, где мы фотографировались. Сэм покачал головой и отошел от стола.

— Там же ничего нет, — сказал он. — Ни деревца, ни каньона. Ничего.

— Там есть мы, — возразила мама.

— Но вы же не себя фотографировали, — стоял на своем Сэм. Его голос повис в углах кухни подобно тонкой фольге. — А какую-то достопримечательность. Просто ее не видно. — И с этими словами он вышел из кухни.

Мы с мамой удивленно переглянулись. Это была наша тайна. Мы обе невольно взглянули на место на шоссе справа от нас, где Калифорния становится Аризоной, — водитель грузовика сразу почувствовал, что дорожное покрытие изменилось; а остальные ничего не заметили.

ДЖЕЙН

Накануне своей свадьбы я проснулась ночью от собственного крика. Родители вбежали в мою комнату, обняли меня; они гладили меня по голове, поправляли волосы, успокаивали, но я продолжала кричать не переставая. Даже с закрытым ртом я продолжала издавать этот пронзительный, высокий звук — словно кричал ночной зверь.

Родители были вне себя. Мы жили в чопорном пригороде Бостона и уже перебудили всю округу. Я видела, как в соседних домах вспыхивает свет — голубой и желтый, мерцающий, как на Рождество, — и не могла понять, что же со мной происходит.

Случай был из ряда вон. Мне едва исполнилось девятнадцать лет, я была студенткой-отличницей колледжа Уэллсли¹, что в 1976 году считалось настоящим достижением.

Я собиралась сочетаться браком с мужчиной своей мечты в типичной новоанглийской церкви, обшитой белыми досками, а после должен был состояться свадебный пир — настоящий банкет с официантами в белых перчатках и черной икрой — во дворе дома моих родителей. Меня по возвращении после медового месяца уже ждала работа. Ничто не предвещало беды.

До сегодняшнего дня я не понимала, что со мной произошло. Так же загадочно, как и начался, крик внезапно прекратился, и на следующее утро я вышла замуж за Оливера Джон-

¹ Престижный частный гуманитарный колледж высшей степени для женщин в пригороде Бостона. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

са, того самого Оливера Джонса, и мы должны были жить долго и счастливо.

Я единственный в городе специалист по патологии речи, а это означает, что мне приходится мотаться по разным начальным школам в предместье Сан-Диего. Сейчас, когда Ребекка уже выросла настолько, что сама может о себе позаботиться, а Оливер большую часть времени в отъезде, дома мне делать нечего. Я люблю свою работу, но, естественно, это несравнимо с тем, как Оливер любит свою. Мой муж с радостью бы согласился жить в палатке из парусины на побережье Аргентины и наблюдать, как его киты поют в теплых водах.

Моя работа заключается в том, чтобы помочь детям обрести свой голос — детям, которые являются в школу немыми, шепелявыми или с расщепленным нёбом. Сначала они молча приходят в мой импровизированный кабинет по одному, шлепая кедами по полу и искоса поглядывая на грозную записывающую аппаратуру. Иногда я тоже молчу, пока ученик сам не решается нарушить неловкость и не интересуется, что он должен делать. Некоторые дети при этом прикрывают рты ладонью; я даже видела, как одна девочка заплакала: они не выносят звука собственного голоса, ненавидят ту часть себя, которая, как им сказали, отвратительна. Моя задача показать им, что есть человек, готовый слушать, что они говорят и как они это говорят.

Я рассказываю этим детям, что, когда мне было семь лет, я с присвистом произносила звук «с». В школе меня постоянно дразнили, поэтому я мало разговаривала и друзей у меня почти не было. Однажды учительница сказала, что мы будем ставить спектакль и все обязательно примут в нем участие. Я так перенервничала из-за того, что придется выступать перед публикой, что притворилась больной. Я прикидывалась, что у меня высокая температура, и нагревала градусник возле лампочки, когда мама выходила из комнаты. Мне разрешили три дня посидеть дома, но потом позвонила учительница и мама раскусила мою симуляцию. Когда я пришла в школу, учительница отозвала меня в сторонку. Она сказала, что все роли уже распределены, но